

Локализация эмоций в языках мира¹²

Аннотация

В статье рассматривается важный вопрос «наивной анатомии» – анатомическая локализация эмоций в языках мира. Выделяются три основных культурных модели, определяющих в качестве анатомических центров эмоций сердце, брюшную полость и печень. В качестве метода типологического сравнения предлагается анализ семантических переходов. Предлагается физиологическое объяснение выделенных семантических переходов на основе деятельности вегетативной нервной системы. При рассмотрении языкового обозначения эмоциональных центров особо отмечается важность полученных данных для объяснения некоторых типов семантической эволюции.

In this paper we consider an important problem of linguistic ethnoanatomy – an anatomical localization of emotions in languages of the world. There are three main cultural models identifying as locus of emotions three parts of the human body. These major loci are heart, abdomen region and, more particularly, liver. As a method of typological comparison we propose analysis of the semantic shifts. The physiological explanation of semantic shifts is offered on a base of involuntary nervous system functioning. By examining linguistic expressions of the emotional loci we especially mark the importance of the received data for explanation of some types semantic evolution.

Ключевые слова

Языковая картина мира, наивная биология, семантические переходы, локализация эмоций, метафора, сердце, печень.

Linguistic model of the world, folk-biology, semantic shifts, localization of emotions, metaphor, heart, liver.

¹² Работа выполнена при поддержке РФНФ, проект № 10-04-00156а

Исследование разных способов видения мира по их отражению в сознании носителей языков – популярная в последние десятилетия область исследований. Различными методами анализируя языковые данные, лингвисты делают выводы о структуре языковой, или «наивной», картины мира в разных культурах. В данной статье в качестве методики изучения «наивной биологии» использован анализ семантических переходов – изменений значения слов, регулярно воспроизводящихся в языках мира. Примером, подобного перехода может служить ‘мышь’ → ‘мышца’, представленный в др.-греч. μῦς, др.-арм. *тикп*, сир. *Ṣuḳbartā*, коми *шыр*, татар. *сычқан*, новогр. *πovτίκι*, рус. *мышь* и *мышца*, лат. *mus* и *musculus*, араб. *Ṣaḍal*- ‘полевая крыса’ и *Ṣaḍalat*-, *Ṣaḍīlat*- ‘мускул’. Как мы видим, в качестве реализаций перехода учитываются не только случаи полисемии, но и пары слов, связанные отношением деривации.

«Каталог семантических переходов в языках мира»¹³ (далее – Каталог) разрабатывается в Институте языкознания РАН коллективом под руководством Анны А. Зализняк [17; 12; 59]. На материале Каталога ранее рассматривались такие проявления «наивной биологии», как границы таксонов, выделение характерного признака животного или растения, адаптация новых для данной культуры видов [59; 26; 27]. Данная статья посвящена анализу семантических переходов от значения ‘орган человеческого тела’ к значению ‘центр эмоций’, представляя описание иного фрагмента «наивной биологии», который можно назвать «наивной анатомией».

Физиологическое объяснение переходов

Во многих мировых культурах эмоции, воля и интуиция человека устойчиво связываются с тем или иным органом тела. Возникновение этой связи можно объяснить физиологическими процессами в организме человека, сопровождающими его эмоции. Когда человек испытывает положительные или отрицательные эмоции, активируется его вегетативная (автономная) нервная система, которая регулирует работу внутренних

¹³ Составители: Анна А. Зализняк, М. С. Булах, Д. С. Ганенков, И. А. Грунтов, Т. А. Майсак, М. М. Руссо.

органов. Важно, что деятельность вегетативной нервной системы не контролируется сознанием, человек не в состоянии усилием воли в нее вмешаться [1,93]. В случае эмоционального переживания вегетативная нервная система изменяет частоту сердцебиения, угнетает или усиливает перистальтику пищеварительного тракта, изменяет просвет кровеносных сосудов (человек бледнеет или краснеет от гнева или стыда), тормозит слюноотделение (у человека пересыхает во рту), расширяет зрачки, усиливает потоотделение и так далее [33,680]. Эти физиологические процессы медики называют периферическими компонентами эмоций. Нейромедиаторами – веществами, посредством которых осуществляется передача электрического импульса от нервной клетки, для вегетативной системы служат гормоны, выделяющиеся в организме при стрессе (адреналин, норадреналин, дофамин) или наоборот в состоянии радости (серотонин) [1,93].

Важно отметить, что при работе вегетативной нервной системы возникают также нервные импульсы, направленные от органов (сердца, гладкой мускулатуры желудка и кишечника и др.) к нервным узлам и центрам мозга, в которые активизируются при эмоциях [33,680]. Эти импульсы участвуют в формировании эмоционального состояния. Роль таких импульсов порой оценивалась слишком высоко, что привело к появлению в 1880-е годы «Периферической теории эмоций» или теории Джемса – Ланге. Американский психолог и философ У. Джеймс (Джемс) и датский физиолог К. Ланге независимо друг от друга сформулировали гипотезу, согласно которой существенная роль в формировании эмоций принадлежит нервным импульсам от органов тела [33,676]. Как писал У. Джеймс: «Мы опечалены, потому что плачем; приведены в ярость, потому что бьем другого; боимся, потому что дрожим» [15]. Современная физиология опровергла мнение об определяющей роли импульсов от органов в формировании эмоций, однако признает их вклад в картину эмоции и считает, что в этом отношении периферическая теория не лишена смысла [33,680].

Следует признать, что возбуждение внутренних органов вегетативной нервной системой и обратные импульсы от этих органов послужили и причиной того, что в

языках мира различные органы тела стали считаться центрами эмоций. В качестве такого языка отражаются чаще всего два места, где эффекты вегетативной нервной системы проявляются особенно ярко: сердце и брюшная полость (рус. *живот* в том значении, которое использовано во фразе *у меня болит живот*). Если происходит более точная локализация центра эмоций, то выбирается один из двух самых крупных непарных органов брюшной полости: желудок или печень. Показательно, что головной мозг, деятельность которого не контролируется вегетативной нервной системой, в языках мира не выступает в качестве центра эмоций. Таким образом, нам предстоит ознакомиться с тремя основными семантическими переходами: **‘сердце’ → ‘центр эмоций’**, **‘живот (желудок)’ → ‘центр эмоций’** и **‘печень’ → ‘центр эмоций’**.

Сердце как локализация эмоций

Семантический переход **‘сердце’ → ‘центр эмоций’** распространен широко. В русском языке его демонстрирует употребление слова *сердце* в таких фразах, как: *сердцем чувствую, что он жив; в ее сердце зародилась надежда, сердце переполняла радость* – подробнее см. [32,21-27]. Ср. также исп. *el corazón se lo anunciaba* ‘сердце подсказывало ему’, *se le arranca el corazón* ‘у него сердце разрывается’, *buen corazón* ‘добрый человек, добрая душа’, *abrir su corazón* ‘открывать сердце, изливать душу’; англ. *be guided by one's heart not one's head* ‘решать не разумом, а сердцем’, *his heart melted with joy* ‘у него сердце замерло от радости’; итал. *amico del cuore* ‘сердечный друг’, *pesare sul cuore* ‘лежать на совести, тяготить’, *cancellare dal cuore* ‘выбросить из сердца’; нем. *ein hartes Herz haben* ‘иметь жестокое сердце’ *dem Zuge des Herzens folgen* ‘следовать влечению сердца’, *aus dem Grund seines Herzens hassen* ‘ненавидеть всей душой’, *das Herz ging ihm auf* ‘его душа переполнилась счастьем’; франц. *fendre le cœur* ‘разрывать сердце, причинять большое горе’, *avoir le cœur gros* ‘быть опечаленным’, *le cœur n'y est pas* ‘душа не лежит к этому’, *aller au cœur* ‘брать за душу, волновать’.

Подобная полисемия известна и древним языкам. Древнегреческое слово *καρδία* ‘сердце’ обозначало центр гнева (*οἰδάνεται καρδία χόλω* ‘сердце наполняется гневом’

Гомер), любви (ἐκ καρδίας φιλεῖν ‘любить всем сердцем’ Аристофан), смелости (θερμὴν ἐπὶ ψυχροῖσι καρδίαν ἔχεις ‘у тебя пламенное сердце в делах, которые (других) бросают в холод’ Софокл), воли, желания (μόλις καρδίας ἐξίσταμαι ‘я неохотно отказываюсь от своего намерения’ Софокл). В латыни слово *cor* ‘сердце’ относилось как к эмоциональным и волевым качествам (*cor timidum* ‘робкий характер’, букв. ‘робкое сердце’ (Плавт), *cor plumbeum* ‘чёрствость, бессердечность’, букв. ‘свинцовое сердце’ (Светоний)), так и к ментальным (*cor habere* ‘быть рассудительным, благоразумным’ (Цицерон, Петроний), *corde conspiciere aliquid* ‘понимать, соображать что-либо’ (Плавт)). У Луцилия есть показательный фрагмент – строчка *credere cor in aliqua re inesse* ‘считать что-либо одушевлённым’, букв. ‘верить, что у чего-либо есть сердце’.

Можно найти немало примеров перехода ‘сердце’ → ‘центр эмоций’ и за пределами индоевропейских языков. Японское слово *kokoro* ‘сердце’ в современном японском уже не обозначает орган человека, а употребляется только в значении, «соответствующем переносным значениям русского слова *сердце*, сердце в анатомическом смысле называется *shinzoo*» [2, 27]. Хотя этимологически это слово восходит к праалтайскому **kòk`è* ‘женская грудь’, ‘сердце’[58]. Существует подобный семантический переход и в китайском: *xin li gaoxing* ‘радостно в сердце’, *xin li nanguo* ‘в сердце печаль’, *xin li weiqu* ‘в сердце обида’, *xin li bu ping* ‘ощущение несправедливости в сердце’, *xin luan ru ma* ‘сердце спутано, как нити конопли’ (о сильном волнении) [30,120]. Иероглифы, обозначающие чувства, ощущения, нравственные качества, часто имеют в своем составе детерминатив ‘сердце’.

Широкий спектр эмоций и душевных качеств связан с сердцем в баскском языке: *bihotz-zabal* ‘щедрый’, букв. ‘широкое сердце’, *bihotz-biguin* ‘сострадательный’, букв. ‘мягкое сердце’, *bihotz-mehe* ‘трусливый’, букв. ‘тонкое сердце’, *bihotzil* ‘грусть’, букв. ‘сердце умирает’, *bihozmin* ‘горе’, букв. ‘боль сердца’, *bihotz zimiko* ‘раскаяние’, букв. ‘сердце сжимает’, а также любовь, гнев, разочарование и другие [47, 111-112].

Среди тунгусо-маньчжурских языков переход 'сердце' → 'центр эмоций' обнаруживается в нанай. *миаван* 'сердце', 'любимый', *миаваси-* 'любить всем сердцем' [23,261], эвен. *ма̄вун* 'сердце', *ма̄вундулиј* 'откровенно, открыто', *ма̄вон-* 'прослезиться (при встрече, расставании, во время похорон)', оробеть, растеряться (от радости) [28, I, 534], эвенк. *мёван* 'сердце', 'сердце как центр эмоций': *мёвандун хивин одячан* 'в его сердце заползла тревога' [28, I, 345]. Рефлексы другого тунгусо-маньчжурского корня имеют значения: эвенк. *гилка-* 'ёкнуть (о сердце), пульсировать', эвен. *гилко-* 'ныть (о сердце)', *гилкон* 'тоска, грусть, тревога', маньчж. *гила-* 'тосковать, грустить, тревожиться, досадовать' [28, I, 151].

В языке коми слово *сьёлём* 'сердце' употребляется как в анатомическом смысле (*сьёлём вуж* 'основание сердца', *сьёлём топёдём* 'сердечный приступ'), так и в переносном (*бур сьёлём* 'доброе сердце (душа)', *дойдны сьёлём* 'ранить сердце (душу)', *сьёлём сёрни* 'душевный разговор', *сьёлём абу местаын* 'душа не на месте', *сьёлём висьё* 'душа болит (за кого-либо)' [3,622]). Также обстоит дело в удмуртском: *сюлмы бёрдэ* 'переживать, сострадать' (букв. 'сердце плачет'), *сюлме пырыны* 'прийтись по вкусу' (букв. 'в сердце войти'), *сюлмам ватыны* 'скрыть от всех' (букв. 'в сердце спрятать'), *сюлмын нуллыны* 'переживать' (букв. 'в сердце носить') [8], эрзянском: *седеесь кенярды* 'сердце радуется', *сыремтем седеенть* 'растревожить сердце' [36,573], мокшанском: *Пашань седисонза нинге крфасть надиямань седнят* 'В сердце Паши еще теплилась искорка надежды' [22,607].

Под влиянием данной модели значение 'душа, центр эмоций' возникает у названий сердца и в языках, где основная локализация эмоций иная. В тюркских языках в качестве центра эмоций обычно выступает печень, однако в турецком слово *kalp* 'сердце' под влиянием европейских языков стало употребляться и в переносном значении: *kalpten* 'от всего сердца', *kalbini açmak* 'раскрывать тайну сердца', *onda kalp denen şey yok* 'у него нет сердца'.

О сердце, как о месте, где локализуются эмоции, свидетельствуют также два других семантических перехода, отмеченных в Каталоге. Первый из них – 'сердце' →

‘сердиться’ [38,187]. Он широко распространен в славянских языках, например, древнерус. *сърдьце* и *сърдити* ‘гневливый, вспыльчивый’ [29,879, 881]. Албанское *zetëroj* ‘сердиться’ (от *zetër* ‘сердце’), скорее всего, является семантической калькой славянского слова. Также примером подобного перехода служат хетт. *kir, kardi* ‘сердце’, *kartimmiia* ‘сердиться, гневаться’ [19, 190]. В эвенкийском языке от слова *мэван* ‘сердце’ образованы *мэвэ* ‘вспыльчивый’ и *мэвэ-* ‘раздражаться, вспылить’ [9,250].

Другой переход – ‘сердце’ → ‘смелый’. Значение ‘смелый’ у слов, обозначающих сердце, можно встретить в таких примерах, как англ. *The soldiers lost heart and retreated* ‘солдаты трусили и отступили’, исп. *no tiene corazón para decir (presenciar)* ‘не хватает духу сказать (присутствовать)’, итал. *avere il cuore di* ‘решиться на’, *far si buon cuore* ‘набраться храбрости’, порт. *homem de coração* ‘мужественный человек’, *sem coração* ‘трусливый’, франц. *perdre cœur* ‘терять мужество’, *avoir du cœur* ‘быть храбрым’. Следует также заметить, что французское слово *courage* происходит от слова *cœur*, и в XI – XVII веках было синонимом слова *cœur* во всех его значениях [44,792]. Значение ‘смелость’ отмечено и для рум. *inimă* ‘сердце’ [41,426].

Немало примеров находится и в других языковых семьях: тибет. *snying-po* ‘сердце’, *snying-po can* ‘смелый, отважный’, караим. *йүрэкли* ‘храбрый’ (букв. ‘с сердцем’) [20,262-263], монг. *зүрхтэй* ‘смелый, храбрый’ (букв. ‘с сердцем’), коми *сьӧлӧм* ‘сердце’ и ‘мужество’ [3,622]. Новоарамейское слово *libbānā* ‘храбрый’ происходит от прасемит. *libb ‘сердце’ [50,174]. В тунгусо-маньчжурских языках есть негид. *мэван* ‘сердце’, *мэву* ‘храбрый’, ульч. *мэва(н)* ‘сердце’, *мэваннун’и* ‘волевой, мужественный человек’ [28, I,533-534]. Видимо, этот же переход демонстрирует и японское *синдзоо* ‘сердце’ и ‘наглость’ [7,II, 92].

Живот как локализация эмоций

Один из самых известных примеров восприятия живота как эмоционального и ментального центра – это японское слово *хара*. Переносное значение этого слова видно из таких выражений, как *хара га ниэру* ‘приходить в бешенство’, букв. ‘живот закипает’,

xara o iясу ‘переставать сердиться’, букв. ‘живот вылечили’ (человек перестал сердиться), *xara o ёму* ‘угадывать чужие мысли’, букв. ‘читать живот’ и многих других [7, II, 441].

Аналогично воспринимается живот в папуасских языках. Вот ряд примеров из языка мелпа (Новая Гвинея): *kitim kai* ‘счастливый’, букв. ‘хороший живот’, *kitim kit* ‘печальный’, букв. ‘плохой живот’, *kitim ralg* ‘колеблющийся, сомневающийся’, букв. ‘два живота’, *kitim waltigen pila* ‘спросить свою совесть’, букв. ‘спросить свой живот’ [53; цит. по 4,93]. Из папуасских языков данный переход проник путем семантической кальки в креольский язык ток-писин, где слово *bel* ‘живот’ (из англ. *belly*) выступает в аналогичных сочетаниях: *bel gut* ‘хороший живот’, *bel nogut* ‘плохой живот’, *tu bel* ‘два живота’, *askim bel* ‘спросить свой живот’, *bel klin* ‘искренний’, букв. ‘чистый живот’, и *bel i hat* ‘сердитый, гневный’, букв. ‘горячий живот’ [Ibid.].

Основной локализацией эмоций служит живот в удмуртском. Слово *kõt* ‘живот’ можно встретить в таких фразах, как *kõt каньыл луыны* ‘становится легче на душе’, [31,330], *kõt бõрдэ* ‘переживать’ (букв. ‘живот плачет’), *kõt куректэ* ‘переживать’ (букв. ‘живот жжет’), *kõtэ кельше* ‘прийтись по вкусу’ (букв. ‘в живот нравиться’) [8].

Аналогично ведут себя слова, обозначающие живот, желудок, в эфиосемитских языках. В языке тигре *kabəd* ‘живот, внутренность’, ‘сердце (перен.)’ [52,412]: *ʔakbud kušun ʔət ʔantu* ‘в то время как сердца (букв. животы) горят’, в языке тигринья *käbdi* ‘живот, желудок’, ‘сердце (перен.)’: *handäbät ʔab käbdäy gälä ʔoblah bälänni* ‘вдруг что-то тронуло мою душу’ [49, 1635]. Те же два значения есть и у амхарского слова *hod* [48,29].

Переход ‘живот’ → ‘центр эмоций’ отмечен и в тунгусо-маньчжурских языках: маньчж. *хэфэл’эн* ‘брюхо, живот’, *хэфал’э-мби* ‘опоясываюсь; скрываю, содержу в сердце, в мыслях, в памяти, соображаю в уме, питаю в себе намеренье, мысль, злобу, принимаю к сердцу, принимаю участие в ком-либо’ [18,416].

Юкагирское слово *ньиНие* ‘чрево, живот’ широко употребляется в значениях ‘настроение’, ‘душевное состояние’: *ньиНие мэ лохнэй* ‘настроение его приподнятое’, *мэт энъие энгэнэН ньиНиеги кэруойил, таатльэр ураалинь эл кэвэй-морийэнг* ‘настроение часто падает у моей матери, поэтому учиться не поеду’. От этого слова образован глагол *ньиНиевэрвиш-* ‘печалиться, грустить, беспокоиться’ [21,391].

В таитянском языке значение ‘центр эмоций’ традиционно имеет слово *‘ā’au* ‘кишечник, внутренности’: *ta’ata ‘ā’au maita’i* ‘добрый человек’, *ta’ata ‘ā’au ‘ino* ‘недоброжелатель’ [51,26], *ha’aputarū i te ‘ā’au* ‘тронуть *‘ā’au*’ [51,53], *‘ā’au mā* ‘чистый *‘ā’au*’ [51,66], *te pōrou nei tō’u ‘ā’au* ‘мой *‘ā’au* радуется’ [51,98], *‘ua putarū tōna ‘ā’au i te fa’aro’ora’a i te parau ‘oa’oa* ‘он (букв. его *‘ā’au*) был взволнован в ожидании этих радостных слов’ [51, 101]. При этом у слова *māfatu* ‘сердце’ аналогичное значение в словарях отмечается как новое [51,67], возникшее под иноязычным влиянием.

Эвенкийское *эмугде* ‘внутренности, нутро’, имеет также значение ‘душа, «сердце»’ (как центр эмоций): *эмугдедѹви сингнѹдечэв* ‘в душе я сожалел’, *аял турэр хунат эмугдэвэн илэчэчэтын* ‘участливые слова растрогали сердце девушки’, *эмугдэв энудерэн* ‘душа у меня болит’, *хэгды синңи, омонги* ‘большая душа у тебя, сынок’, *эмугдэе ачин* ‘бездушный’. В некоторых диалектах это слово имеет и значение ‘смелый’ [9,557; 5, II, 380].

В китайской культуре с зоной брюшной полости связываются грустные переживания, тоска, чувство одиночества, тревога связаны с кишками (*chang*). В классической китайской поэзии распространено выражение *duang chang* ‘обрывать кишки’ (подстрочные переводы из [30, 119 – 126]).

Ветка красной красы, в росе застыл аромат.

Облака и дождь на горе Ушань напрасно обрывают кишки (Ли Бо)

На красной бумаге коротко записал глубокую печаль.

Смотрел парчовые фразы – и обрываются кишки (Су Дунпо)

Одиноко в глубоких покаях,

Нежных кишок один цунь,

Тоски тысяча нитей (Ли Цинчжао)

Сухая лиана, старое дерево, черная ворона.

Мостик, ручеек, чей-то дом.

Древний тракт. Западный ветер. Тощая кляча.

Вечернее солнце склоняется к Западу.

Обрывающий кишки человек на краю неба (Ма Чжиюань)

Печень как локализация эмоций

В поэме Юсуфа Баласагуни «Наука быть счастливым», написанной в XI веке на древнетюркском (караханидском) языке есть строчка *bağır bolu ber maña şen aja bağrı tas* ‘согласись со мной, ты, чья печень – камень’ [16,78]. Слово *bağır*, использованное в ней, широко распространено в тюркских языках в значении ‘печень’. Значение ‘печень как локализация эмоций’ также в башкирском, узбекском, алтайском, хакасском, азербайджанском [37, II, 17-20]. Ср. азерб. *bağrı çatlamaq* ‘печень трескается, разрывается’ или *yarılmıq* ‘раскалывается’, например, при сильном испуге. Если человека обнимают, его прижимают к печени (*bağrına basmaq*) [39, 29]. Также печень как центр эмоций присутствует в других алтайских языках монг. *элэг(эн)*, маньчж. *фахун* ‘печень’, *фахун аку* ‘робкий, трусливый’, *фахун амба* ‘смелый, отважный, предприимчивый’, *фахун дэ фалимби* ‘содержу в сердце, помню’ [18,1029].

В языке коми в некоторых идиомах печень также предстает как локализация эмоций: *мускӧдзысь йиджӧма* ‘сильно разозлился’ (букв. ‘до печени проникло’), *мускӧй курдӧс* ‘я разозлился’ (букв. ‘моя печень прогоркла’), *муссӧ оз зырт* ‘ему и горя мало’ (букв. ‘печенку-то не трет’), *мый нӧ тэнад мускыд висьӧ на понда* ‘почему ты волнуешься из-за них?’ (букв. ‘почему твоя печень болит из-за них?’) [3,404].

В древности печень связывалась с сильными эмоциями и в индоевропейских языках, но потом ее в этой функции заменило сердце. Свидетельства древней модели можно

найти в др.-греч. *χωρεῖ πρὸς ἥπαρ* (горе) ‘бежит к печени’ (= ‘терзает душу’) Софокл, «Аякс». Неслучайно Гекуба желает впиться зубами именно в печень Ахилла, убившего его сына:

...τοῦ ἐγὼ μέσον ἥπαρ ἔχομι
ἐσθέμεναι προσφῦσα· τότ' ἄντιτα ἔργα γένοιτο
παίδος ἐμοῦ... (Илиада 24, 212—214).

Н. Гнедич в этом отрывке перевел *ἥπαρ* как ‘внутренность’, в переводе же В. Вересаева это место звучит так:

...О, если бы, в печень Пелида
Впившись, могла ее съесть я! Тогда не остался бы сын мой
Неотомщенным!...

В латыни есть выражение *jecur ulcerare* ‘внушить кому-либо пылкую любовь’, букв. ‘ранить печень’. Гораций вспоминает печень, когда говорит о буре чувств, вызванных ревностью:

Как похвалишь ты, Лидия,
Розоватый ли цвет шеи у Телефа,
Руки ль белые Телефа, -
Желчью печень моя переполняется. (*frequens difficili bile tumet jecur*)
И тогда не владею я
Ни умом ни лицом: слезы украдкою
По щекам моим катятся,
Выдавая огонь, сердце сжигающий. (пер. А. П. Семенова-Тян-Шанского).

Персидское слово *jegar* ‘внутренности’, ‘печень’ широко использовалось как обозначение центра эмоций. Оно было заимствовано в хинди и урду *jigar* ‘печень’ (редк.), ‘сердце (перен.)’, ‘дух’, ‘смелость’. Также перс. *jegar* было заимствовано в армянский (*յիգար*), где теперь практически не употребляется в анатомическом значении

(в этой функции используется арм. *lyard*), но зато служит основным обозначением локализации эмоций, см. примеры¹⁴:

Tes inč j̄gyarov mardik en, ê, mer lofēc'inerē 'Посмотри, какие сердечные люди, эти наши жители Лори';

...or ink'ē k'ez ētenc'j̄gyarov pače c'... '...просто она тебя так от души поцеловала';

ēsi barj̄r poezia a <...> sa čen kardum sa nvagum en, sa eražšsut'yun a, <...> ay verj̄n vankin čmořanas mi kpzzes kbarjranas, mi hat p'orji, ay tga, j̄gyarov, patraot sksec'ink', i
'...это высокая поэзия..., это не читают, а играют, это музыка... на последнем слоге, не забудь, присядешь и приподнимешься, ну-ка давай, попробуй, с душой, приготовились, начали, и!...';

ba im j̄an u j̄gyar harevanē pařkaç lini, u es čga m hivandates... 'Когда мой любимей-дорогой сосед болен, могу ли я не навестить его?'

Печень как центр эмоций и воли представлена в языках Африки. Вот ряд примеров использования слова *kindè* 'печень' в языке догон (Мали): *kindè kana* 'собраться с духом' (букв. 'сделать печень'), *wo kindè ye sè* 'он терпелив, вынослив' (букв. 'он имеет печень'), *kindè lògòmò* 'прийти в ярость' (букв. 'дать почувствовать печень'), *kindè èllèmò* 'получить удовольствие' ('подсластить печень'), *kindè èllu* 'радость, удовольствие' ('сладкая печень'), *kindè pilu* 'честность, благородство' ('белая печень'), *kindè gèmu* 'лицемерие' ('черная печень'), *kindè banu* 'гнев' ('красная печень') *kindè jele* 'импульсивность' ('подвешенная, качающаяся печень'), *kindè too* 'скрытность' ('глубокая печень') [25].

В индонезийском языке печень (*hati*) предстает центром эмоциональной и ментальной деятельности [55,46, 56-58]:

patah hati 'разбитое сердце', букв. 'сломанная печень';

¹⁴ Примеры взяты из «Востоочноармянского национального корпуса» (<http://www.eanc.net/>).

...*direnungkan dalam lubuk hati nurani yang paling dalam* ‘это нужно обдумать в глубинах своей печени’;

jatuh hati ‘влюбиться’ букв. ‘печень упала’: *Saya jatuh hati pada jejaka yang penampuilannya jauh lebih keren* ‘моя печень упала на юношу, который выглядел так поразительно’;

Walau hati kita panas tetapi kepala harus tetap dingin sehingga dapat mengatasi masalah... ‘хотя бы легко впадаем в гнев (букв. ‘горячая печень’), мы должны быть спокойными (букв. ‘холодная печень’), чтобы преодолеть проблемы’;

Meskipun dengan berat hati, Fitria memenuhi permintaan suaminya ‘с неохотой (букв. ‘с тяжелой печенью’) Фитриа выполнила просьбу мужа’.

Взаимодействие моделей

Как мы видели, в китайском языке в качестве центра эмоций выступают как *xin* ‘сердце’, так и, для отрицательных эмоций, *chang* ‘кишки’. Играет роль в духовной жизни и живот (кит. *duzi*) [30,120-121]. Он часто служит местом размышлений: «думать в животе» значит размышлять, «ругать в животе» – ругать про себя, в уме. Также в кит. *fù* ‘живот, брюхо, брюшная полость’ используется как в анатомическом смысле *fùtòng* ‘боли в животе’, так и переносном *fù-fěi* ‘внутренне не одобрять’ [6, IV, 5].

В языке рапануи основной центр эмоций – *manava* ‘живот, брюшная полость’: *manava more* ‘горе, печаль’, *manava mate* ‘влюбленный’, *ku-ká-á te manava* ‘разгневанный, взбешенный’, *he-kava te manava* ‘озлобленный’, *manava hatu* ‘о человеке, который в несчастье остается невозмутимым и контролирует свое поведение и эмоции’, букв. ‘кусочек живота’. Однако подобные значения возникают и у слова *ate* ‘печень’, перен. ‘сын, мальчик’, ‘песенный жанр, в котором описываются счастье, радость и достижения прошлого’, *áteáte, ateate* ‘дорогой, любимый’: *e nua ateate é* ‘дорогая мама!’[45].

В австралийском языке куук-тхайоре основным средоточием эмоций, духа и жизненной силы выступает живот (*ngeenke*). Душа человека часто называется *ngeengk-rithrr* букв. ‘толстый живот’. Этот же термин использован для понятия Святой Дух в переводе Библии на язык куук-тхайоре [46,33]. Однако также в этой функции выступают

другие органы: *thip* ‘печень’, *man* ‘гортань’ [46,27]. Печень и живот часто выступают под общим названием *thip-ngeengk*. О храбром человеке говорят *ngeengk-thip thaarn* ‘живот-печень сильный’, выражение *ngay ngeengk-thip paarith* букв. ‘мой живот-печень горячий’ значит ‘я в гневе’. Глотка выступает органом интуитивного предчувствия, опасения [46,34]: *ngay manu waakr yarrman ithokun wontnhan* ‘я боюсь, что лошадь может упасть’ букв. ‘моя глотка следует, (если) лошадь может упасть’.

Подобное использование в качестве эмоциональных центров разных органов с некоторым «разделением труда» между ними не редкость. В семитских языках сердце часто выступает как орган мысли (сем. *libb- [51,174], а печень или органы брюшной полости, живот – как орган эмоций (сем. *kabid(at)- [51,141]).

Однако помимо ментальной деятельности сердце в семитских языках проявляет себя как орган любви, радости, грусти, ненависти, гнева, смелости. Проиллюстрируем их на примере аккад. *libbu* [42,113-121]: аккад. *ḥud libbi* ‘радость сердца’, *libba-šunu ṭāb* ‘их сердца довольны’, *muṭib libbi (ilu) Marduk* ‘вновь выиграло сердце Мардука’, *lumun libba-ka* ‘твое сердце печальное (букв. плохое)’, *labābu* ‘быть в гневе’. Выражение *muruṣ libbi* означало и ‘болезнь сердца’ и ‘печаль’. Подобные значения есть и у др.-евр. *lēb, lēbāb* ‘сердце’. В монологе невесты из «Песни песней» говорится «Я сплю, а сердце мое бодрствует» (Песн. 2,2). Далила говорит Самсону: «Как же ты говоришь: "люблю тебя", а сердце твое не со мною?» (Суд. 15,16). «И благословили царя и пошли в шатры свои, радуясь и веселясь в сердце о всем добром, что сделал Господь рабу Своему Давиду и народу Своему Израилю» (3Цар. 8,66), «не должно скорбеть сердце твое» (Втор. 15,10). Печень же (аккад. *kabittu*) выступает исключительно как центр эмоций, а не ментальных процессов [42,128-130]. Аккад. *karšu, karašu* ‘живот’ [42,133-134] служит органом мудрости (*karšu ritpāšu* ‘большой живот’ – о большом уме). А из эмоций живот связан с грустью (*eterub nissatu ina karši-šu* ‘тоска вошла в мой живот’).

Можно отметить некоторую тенденцию, проявляющуюся порой в разных языках, к тому, что, если сердце становится органом любых эмоций, то в брюшной полости («живот», печень) порой проявляют себя как центр исключительно негативных эмоций. В баскском *bihotz* ‘сердце’ связано с самыми разными эмоциями, то *gibel* ‘печень’ – только с негативными: *gibel-beldur* ‘недоверие, подозрение’, букв. ‘печень-страх’, *gibelondo* d ‘презрение’, букв. ‘сторона печени’, *gibelgogo* ‘враждебность’, *gibelkoi* ‘робость’. Если выражение *bihotz-bihotzez* ‘со всей любовью’, то *gibelez gibel* ‘гневаться друг на друга’ [47,115].

Представление о локализации ментальной и эмоциональной деятельности в голове, сердце и печени, свойственные древнегреческой языковой картине мира, получили свое отражение в платоновской концепции души. Диоген Лаэртский (III, 67, цит. по [14,155]) сообщает, что Платон считал душу состоящей из трех частей. Разумная часть души (*λογιστικὸν μέρος*) находится в голове, яростная (*θυμοειδής*) – в сердце, а вожделяющая – в печени (*ἐπιθυμητικόν*). Подробнее об этом Платон говорит в диалоге «Тимей» (70-72 [цит. по 25,561-562]):

«Другую часть смертной души, которая несет в себе вожделения к еде, питью и ко всему прочему, в чем она нуждается по самой природе тела, они водворили между грудобрюшной преградой и областью пупа <...>; там они и посадили эту часть души на цепь, как дикого зверя, которого невозможно укротить, но приходится питать ради его связи с целым, раз уж суждено возникнуть смертному роду. Они устроили так, чтобы этот зверь вечно стоял у своей кормушки и обитал подальше от разумной души, возможно менее досаждая ей своим шумом и ревом, дабы та могла без помехи принимать свои решения на благо всем частям тела вместе и каждой из них в отдельности. Они знали, что он не будет понимать рассуждения, а даже если что-то из них и дойдет до него через ощущение, не в его природе будет об этом заботиться; он обречен в ночи и во время дня обольщаться игрой подобий и призраков. И вот бог, вознамерясь найти на него управу, построил вид печени и водворил в логово к зверю».

В «Тимее» печень также предстает и как центр интуиции («пророчества»):

«Благодаря этому обитающая в области печени часть души должна стать просветленной и радостной, ночью же вести себя спокойно, предаваясь пророческим снам, коль скоро она уже непричастна рассудку и мышлению. Ведь боги, построившие нас, помнили о заповеди своего отца, которая повелевала создать человеческий род настолько совершенным, насколько это возможно; во исполнение этого они постарались приобщить к истине даже низменную часть нашего существа и потому учредили в ней прорицалище. <...> Таковы причины, по которым печень получила вышеописанное устройство и местоположение; целью было пророчество. И в самом деле, покуда человек жив, печень дает весьма внятные знамения...».

Периферийные локусы эмоций

Наконец, во многих языках можно отметить случаи связи с эмоциями каких-либо органов, проявляющейся лишь в отдельных выражениях, тогда как основными центрами эмоций в этих языках служат другие органы. В русском языке такими периферийными локусами служат брюшная полость (*нутром чуют*) или печень (*в печенках сидеть*). Также в румынском языке, где основным центром эмоций служит сердце, в некоторых выражениях упоминается печень: *a atinge la ficați* ‘тронуть до глубины души’, *a-i îngheta cuiva ficații* ‘душа ушла в пятки’, *a-l roade pe cineva la ficați* ‘терзаться, изводиться’, *a-l ustura pe cineva la ficați* ‘испытывать большой гнев’ [43, 843].

В персидском, помимо понятий *del* ‘живот-сердце’ и *jegar* ‘печень’ также есть арабизм *qalb* ‘сердце’, которое используется в анатомическом смысле, но также и в качестве центра эмоций, как во фразе *to dar qalb-e mani* ‘я тебя люблю’, букв. ‘ты в моем сердце’ [56,249].

Выше упоминался семантический переход ‘**сердце**’ → ‘**сердиться**’, но стоит отметить, что спорадически встречаются и примеры переходов ‘**печень**’ → ‘**сердиться**’, ‘**желудок**’ → ‘**сердиться**’: праслав. **ętriti se* ‘растравлять, бередить, способствовать нагноению’, перен. ‘сердиться’ производное от **ętro* ‘печень, внутренности’ [57,VI, 102-103], лат.

stomachari от лат. *stomachus* ‘желудок’, польск. *żółdkować się* от *żółdek* ‘желудок’ [38,188] (польский пример, видимо, семантическая калька с латыни).

Храбрость у французов и англичан порой гнездится в брюшной полости ср. фр. *avoir qch. dans le ventre* ‘быть храбрым, энергичным’, англ. *people had no further stomach for war* ‘у людей уже больше нет решимости сражаться’. В разговорном английском в этом случае можно использовать также выражение *to have guts* букв. ‘иметь кишки’: *He has plenty of guts* ‘Он мужественный человек’, *It takes guts to do something like that* ‘Чтобы такое сделать, нужно определенное мужество’ [12]. В китайском смелость скапливается в желчном пузыре (кит. *dan*). «Большой желчный пузырь» (кит. *dan da*) говорят о смелом человеке, «маленький желчный пузырь» – о трусе [30,121].

В качестве периферийного локуса эмоций может выступать селезенка. Помимо знаменитого англ. *spleen* примеры этого можно найти во французских идиомах *dilater la rate* ‘рассмешить, насмешить до слёз’, *il me fatigue la rate* ‘он сидит у меня в печенках’, *se mettre la rate au court bouillon* ‘беспокоиться, волноваться’ [11].

Типологическая важность

Для типологии семантических изменений важны случаи, когда, приняв во внимание значение ‘центр эмоций’, мы можем объяснить, казалось бы, странные семантические переходы типа ‘сердце’ ↔ ‘печень’, ‘кишки’ ↔ ‘сердце’. Подобные случаи объясняются тем, что и тот, и другой орган воспринимаются как эмоциональный центр, а со сменой основного центра эмоций может поменяться и анатомическое значение слова.

Приведем несколько примеров. Рефлексы пратюркского **jürek* ‘сердце’ имеют такое же значение, однако в турецком отмечены также значения ‘внутренность’, ‘живот’, ‘желудок’, ‘печень’, в гагаузском – ‘живот’. Переносное значение у этого слова есть в турецком, азербайджанском, узбекском, халаджском, якутском [37, IV, 270-271], (гаг. *үрек аарысы* ‘боль в животе’, *үрекна гөрә* ‘по сердцу, по душе’ [10, 489]). Упомянувшееся выше тюрк. *bağır* ‘печень’, ‘печень как локализация эмоций’ в современном некоторых уйгурских диалектах (*beyir*) стало обозначать сердце, сохраняя при этом значение эмоционального центра [37, II, 17-20].

В некоторых кельтских языках название сердца (валл., корн. *calon*, бретон. *kalon*) происходит от ст.-фран. *cauldun* ‘кишки’, благодаря использованию слова в переносном значении ‘центр эмоций’ [40,251]. Аналогичная трансформация произошла с эвенк. *эмугде* ‘внутренности, нутро’, ‘центр эмоций’, которое в непском диалекте получило значение ‘сердце’ [9,557].

В румынском слово *inimă* ‘сердце (анат.)’, ‘сердце как центр эмоций’, ‘смелость’ происходит от лат. *anima* ‘душа’, видимо, через промежуточную стадию ‘место локализации чувств’ [41,426]. У этого же слова в диалектной речи отмечены значения ‘живот’, ‘желудок’ [43,1025].

Интересно персидское слово *del* [56,249], которое словари переводят и как ‘живот, внутренности’, и как ‘сердце’. В обыденном языке оно обозначает органы брюшной полости (*del-am dard mikoneh* ‘у меня болит del’, могут сказать и о желудочной и о почечной боли). Однако в поэзии и, иногда, в народной медицине *del* предстает как орган, качающий кровь. Например, в стихах Эгбала Лахури:

Del az zoghe tapesh del bood lika

Cho yekdam az tapesh of taad gel shod.

‘Сердце достигло своего положения, поскольку бьется усердно, иначе

Если оно перестанет биться на секунду, оно станет грязью’

Этимологически первичным значением этого слова является ‘сердце’: праиран. **žard-*, ср. курд. *dil, dir, zir* ‘сердце’, парф. *zyrd* ‘сердце’, авест. *zərəd-* ‘сердце’, санскр. *hṛd-* ‘сердце’, др.-греч. *καρδία*, лат. *cor, cordis* [34, 307-308; 35, 158; 54, 579-580].

В персидском *del* часто обозначает и эмоциональный центр: *Rezaa pesaram azize delame* ‘Реза мой любимый сын’; *az del biroon raftan* ‘впадать в немилость’, букв. ‘покидать del’; *Az del beravad har aankeh az dideh beraft* ‘с глаз долой – из сердца вон’, букв. ‘del покидает всё, что покидает зрение’ [56,249]. Использование слова *del* в этом значении и служит причиной его семантического перехода от значения ‘сердце’ к значению ‘живот’.

Литература

1. Агаджанян Н. А., Власова В. М., Торшин В. И. Основы физиологии человека. М., 2001.
2. Алпатов В. М. Япония. Язык и культура. М., 2008.
3. Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-русский словарь. Сыктывкар, 2000.
4. Беликов В. И. Креольские языки Океании. М., 1998.
5. Болдрев Б. В. Эвенкийско-русский словарь в 2 томах. Новосибирск, 2000.
6. Большой китайско-русский словарь / Под ред. И. М. Ошанина. М., 1983.
7. Большой японско-русский словарь / Под ред. Н. И. Конрада. М., 1970.
8. Бусыгина Л. В. Словарь поэтических образов Кузубая Герда // Международная научно-практическая конференция «Финно-угорские этносы: технологии развития в условиях глобализации». Ижевск. 26-27 ноября 2009 года. Электронные тезисы <http://fuethnic.conf.udsu.ru/files/1259325714.doc>
9. Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958.
10. Гайдаржи Г. А., Тукан Б. П., Колца Е. К., Покровская Л. А. Гагаузско-русско-молдавский словарь. М., 1973.
11. Гак В. Г. Новый большой французско-русский фразеологический словарь. М., 2005.
12. Глазунов С. А. Новый англо-русский словарь современной разговорной лексики. М., 2003.
13. Грунтов И. А. «Каталог семантических переходов» - база данных по типологии семантических изменений // Диалог 2007. Компьютерная лингвистика и информационные технологии. Материалы конференции. М., 2007. С. 157 – 161.
14. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. / Пер. и прим. М. Л. Гаспарова. Общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева. М., 1986.

15. Джемс В. Психология. Часть II. СПб., 1911. С. 323–340. Электронная копия <http://www.psychology-online.net/articles/doc-310.html>
16. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
17. Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии. Проект «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания, 2001, № 2.
18. Захаров И. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875.
19. Иванов Вяч. Вс., Гамкрелидзе Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. М.-Тбилиси, 1984.
20. Караимско-русско-польский словарь. / Ред. Н. А. Баскаков, А. Зайончковский, С. М. Шапшал. М., 1974.
21. Курилов Г. Н. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск, 2001.
22. Мокшанско-русский словарь / Под ред. Серебrenникова Б. А., Феоктистова А. П., Полякова О. Е. М., 1998
23. Оненко С. Н. Нанайско-русский словарь. М., 1980.
24. Платон Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1. / Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. СПб., 2007.
25. Плунгян В. А. К описанию африканской наивной картины мира (локализация ощущений и понимание в языке догон) // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 155-157.
26. Руссо М. М. «Наивная биология» в зеркале семантических переходов // Материалы третьей международной конференции по когнитивной науке. М., 2008. С. 436-437.
27. Руссо М. М. Типология семантических переходов в области «наивной биологии» // Вопросы филологии (в печати).
28. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. / Отв. редактор В. И. Цинциус. Л., 1975.
29. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1890-1912.

30. Тань Аошуан Китайская картина мира. М., 2004.
31. Удмуртско-русский словарь. / Отв. ред. Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2008.
32. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике. М., 2003.
33. Физиология. Основы и функциональные системы. Курс лекций. Под ред. К. В. Судакова. М., 2000.
34. Цаболов Р. Л. Этимологический словарь курдского языка. Т. I. М., 2001.
35. Эдельман Д. И. Сравнительная грамматика восточноевропейских языков. Лексика. М., 2009.
36. Эрзянско-русский словарь / Под ред. Серебренникова Б. А., Бузаковой Р. Н., Мосина М. В. М., 1993.
37. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974-2003. Т. 1 – 7.
38. Якубович М. Физиологические мотивации в названиях эмоций // Этимология 2000 - 2002. М., 2003. С. 187 – 193.
39. Azərbaycan-rus, rus-azərbaycan lüğəti. Bakı, 2004.
40. Buck C. D. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. 1949, reprinted 1988.
41. Ciorănescu A. Dicționarul etimologic al limbii române. București. 2007.
42. Dhorme E. L'emploi metaphorique des noms de parties du corps en hebreu et en akkadien. Paris 1963.
43. Dicționar român-rus sinonimizat. Vol. 1. Chișinău, 2005.
44. Dictionnaire historique de la langue française. Sous la direction d'Alain Rey. Paris. 2006.
45. Englert S. Rapanui-English Dictionary. The Rongorongo of Easter Island. On-line version <http://www.rongorongo.org/vanaga/>
46. Gaby A. Gut feelings: Locating intellect, emotion and life force in the Thaayorre body // Culture, Body, and Language. Conceptualizations of Internal Body Organs across Cultures and Languages. / Edited by F. Sharifian, R. Dirven, N. Yu, S. Niemeier. Berlin – New York. 2008. P. 27 – 44

47. Ibarretxe-Antunano I. Guts, heart and liver: The conceptualization of internal organs in Basque // Culture, Body, and Language. Conceptualizations of Internal Body Organs across Cultures and Languages. / Edited by F. Sharifian, R. Dirven, N. Yu, S. Niemeier. Berlin – New York. 2008. P. 103 – 130
48. Kane T. L. Amharic-English Dictionary. Wiesbaden, 1990.
49. Kane T. L. Tigrinya-English Dictionary. I, II. Springfield, 2000
50. Kogan L. E., Militarev A. Yu., Semitic Etymological Dictionary, vol. I.: Anatomy of Man and Animals, Münster, 2000.
51. Lemaître Y. Lexique de Tahitien contemporain. Paris. 1995
52. Littmann E., Hoeffner M. Woerterbuch der Tigre-Sprache. Wiesbaden 1962.
53. Mercado L. Melanesian philosophy // Catalist. Social pastoral magazine for Melanesia. 1988, vol. 18. p. 110-111
54. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern. 1959.
55. Siahaan P. Did he break your heart or your liver? A contrastive study on metaphorical concepts from the source domain ORGAN in English and in Indonesian // Culture, Body, and Language. Conceptualizations of Internal Body Organs across Cultures and Languages. / Edited by F. Sharifian, R. Dirven, N. Yu, S. Niemeier. Berlin – New York. 2008. P. 45 – 74
56. Sharifian F. Conceptualizations of del ‘heart-stomach’ in Persian // Culture, Body, and Language. Conceptualizations of Internal Body Organs across Cultures and Languages. / Edited by F. Sharifian, R. Dirven, N. Yu, S. Niemeier. Berlin – New York. 2008. P. 247 – 266
57. Słownik prasłowiański / Pod. red. F. Sławskiego. T. 1–. Warszawa. 1953–.
58. Starostin S. A., Dybo A. V. Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden, 2003.
59. Zalizniak A., Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Russo M. The Catalogue of Semantic Shifts as a Database for Semantic Typology. // Linguistics (in print).